

Организатору в аудитории

Для экспресс-проверки качества печати комплекта убедитесь, что на данном листе:

- 1) печать выполнено равномерно – без белых или тёмных полос по листу;
- 2) текст чёткий и легко читаемый;
- 3) защитные знаки чётко видны и не затрудняют чтение текста.

Участнику олимпиады

Убедитесь в целостности комплекта:

- 1) внимательно рассмотрите цифровые значения штрихкода на бланке регистрации и номер ОМ на листах с ОМ;
- 2) удостоверьтесь в том, что на данном листе отражены цифровые значения штрихкода бланка регистрации и номер ОМ Вашего комплекта;
- 3) удостоверьтесь, что указанные цифровые значения совпали.

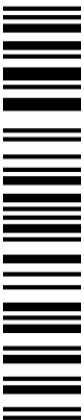
В случае несовпадения указанных цифровых значений следует обратиться к организатору в аудитории и получить другой комплект.

**Всероссийская олимпиада школьников
по ЛИТЕРАТУРЕ****Муниципальный этап
7-8 класс****Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 135 минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 40

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа С.Г. Писахова. Можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на все вопросы, тем более в порядке, в котором они даны – можно выбрать свою логику анализа.

Количество баллов – 30.

1. Как вы представляете себе рассказчика? Какую роль играет разговорный стиль повествования? Как речь характеризует рассказчика?

2. Есть ли в рассказе комическое начало? А лирическое?

3. Как создан образ франта и франтихи? Какова их роль в произведении?

4. Как вы понимаете, почему рассказ называется «Апельсин»?

АПЕЛЬСИН

Дак вот ехал я вечером на маленьком пароходишке. Река спокойнѐхонька, воду пригладила, с небом в гляделки играют – кто кого переглядит. И я на них загляделся. Еду, гляжу, а сам апельсин чищу и делаю это дело мимодумно.

Вычистил апельсин и бросил в воду, в руках только корка осталась. При солнечной тиши да яркости я и не огорчился. На гладкой воде место заприметил. Потом, как сѐмгу ловить выеду, спутье не спутье, а приверну к апельсинову месту поглядеть, что мой апельсин делает?

Апельсин в рост пошёл, знат, что мне надо скоро, – растёт-торопится, ветками вымахиват, листиками помахиват. Скоро и над водой размахался большим зелёным деревом и в цвет пустился.

И така ли эта была распрекрасность, как кругом вода, одна вода, сверху небо, посере́дке апельсиново дерево цветет!

Наш край летом богат светом. Солнце круглосуточно. Апельсины незамедлительно поспели. На длинных ветвях, на зелёных листьях как фонарики золоты.

Апельсинов множество, видать, крупны, сочны, да от воды высоко – ни рукой, ни веслом не достанешь, на воду лестницу не поставишь.

Много городских подъезжало, вокруг кружили, только все безо всякого толку.

Раз буря поднялась, воду вздыбила. Я в лодку скочил, карбасов штук пятнадцать с собой прихватил, к апельсиновому дереву подъехал.

Меня волнами подкидыват, а я апельсины рву. Пятнадцать карбасов нагрузил с большими верхами, и лодка полнѐхонька. На самой верхушке один апельсин остался. Пятнадцать карбасов да лодку с апельсинами в деревню пригнал. Вся деревня всю зиму апельсинами сыта была.

Меня раздумье берёт, как достать остатный апельсин. В праздник, в тихую погоду подъехал в лодочке к апельсиновому дереву. А около дерева тоже в лодочке франт да франтиха крутятся. Франт весь обтянут-перетянут – тонюсенький, как былиночка. А франтиха растопоршена безо всякой меры, у неё и юбка на обручах. Франтиха выахиват:

– Ах, ах! Как мне хочется апельсина! Ах, ах! Не могу ни быть, ни жить без апельсина. Франт отвечает:

– Для вас апельсин? Я-с сейчас!

Поднялся обтянутой, тонконогой и, как пружинка, с лодки скочил. Апельсина не достал, на лодку упал, на саму корму. Лодка носом выскочила, франтиху выкинуло. Франтиха над водой перевернулась, на воду юбками с обручами хлопнулась и завертелась, как настояща пловуча животна!

Франт в лодке усиделся, франтихе верёвочку бросил и мимо городу на буксире повёз.

Франтиха на лице приятность показыват, ручкой помахиват и так громко говорит:

– Теперь ненавижу в лодках ездить, как все, и ах как антиресно по реке самоходом гулять наособицу!

Городски франтихи с места сорвались, им страсть захотелось так же плыть и хорошими словами, сладким голосом на берегу гуляющих дразнить. Франтихи в воду десятками скакать почали.

Народ, который безработный был, много в тот раз заработали – мокрых франтих из воды баграми выволакивали. Смотреть было смешно, как на балаганно представленье.

К апельсиновому дереву воротился, дерево нагнул и апельсин достал.

Дело стало к вечеру, вода стихла, выгладилась, заблестела. Небо в воду смотрится, на себя любится.

Я стал апельсин чистить без торопливости, с раздумчивостью. Вычистил апельсин, на себя оглянулся, а у меня только корки в руках.

Апельсин я опять мимодумно в воду бросил. Должно, опять впрок положил.

1920-е гг.

Задание 2.

Перед вами стихотворение Саши Черного «Апельсин». Напишите небольшое эссе об этом стихотворении (200-300 слов), в котором поразмышляйте, как в поэзии сочетаются лирическое и комическое. Можно ли считать, что это пародия на любовную лирику? И какую роль играет в стихотворении апельсин? Помните ли еще стихотворения, в которых так же сочетались бы лирические чувства и смешное? Дайте название своему эссе.

Количество баллов – 10.

Вы сидели в манти на скале,
Обхвативши руками колена.
А я - на земле,
Там, где таяла пена,-
Сидел совершенно один
И чистил для вас апельсин.

Оранжевый плод!
Терпко-пахучий и плотный...
Ты наливался дремотно
Под солнцем где-то на юге,
И должен сейчас отправиться в рот
К моей серьезной подруге.
Судьба!

Пепельно-сизые финские волны!
О чем она думает,
Обхвативши руками колена
И зарывшись глазами в шумящую даль?
Принцесса! Подите сюда,
Вы не поэт, к чему вам смотреть,
Как ветер колотит воду по чреву?
Вот ваш апельсин!

И вот вы встали.
Раскинув малиновый шарф,
Отодвинули ветку сосны
И безмолвно пошли под скалистым навесом.
Я за вами - умильно и кротко.

Ваш веер изящно бил комаров –
На белой шее, щеках и ладонях.
Один, как тигр, укусил вас в пробор,
Вы вскрикнули, топнули гневно ногой
И спросили: "Где мой апельсин?"
Увы, я молчал.
Задумчивость, мать томно-сонной мечты,
Подбила меня на ужасный поступок...
Увы, я молчал!

ОМ №00000529186

Организатору в аудитории

Для экспресс-проверки качества печати комплекта убедитесь, что на данном листе:

- 4) печать выполнено равномерно – без белых или тёмных полос по листу;
- 5) текст чёткий и легко читаемый;
- 6) защитные знаки чётко видны и не затрудняют чтение текста.

Участнику олимпиады

Убедитесь в целостности комплекта:

- 4) внимательно рассмотрите цифровые значения штрихкода на бланке регистрации и номер ОМ на листах с ОМ;
- 5) удостоверьтесь в том, что на данном листе отражены цифровые значения штрихкода бланка регистрации и номер ОМ Вашего комплекта;
- 6) удостоверьтесь, что указанные цифровые значения совпали.

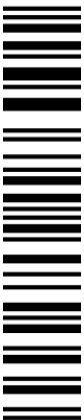
В случае несовпадения указанных цифровых значений следует обратиться к организатору в аудитории и получить другой комплект.

**Всероссийская олимпиада школьников
по ЛИТЕРАТУРЕ****Муниципальный этап
9 класс****Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 270 минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 100

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа В. Пелевина «Жизнь и приключения сарая номер XII». Можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

1. Как воссоздается «точка зрения» на мир неживого «объекта»?
2. Знаете ли вы произведения, в которых повествования ведется от лица «не человека», какую функцию такое повествование выполняет?
3. Даже у сарая есть душа. Какой путь в рассказе она прошла?
4. Как вы понимаете финал рассказа?

Количество баллов – 70.

Вначале было слово, и даже, наверное, не одно – но он ничего об этом не знал. В своей нулевой точке он находил пахнущие свежей смолой доски, которые лежали штабелем на мокрой траве и впитывали своими гранями солнце, находил гвозди в фанерном ящике, молотки, пилы и прочее – представляя все это, он замечал, что скорей домысливает картину, чем видит ее. Слабое чувство себя появилось позже – когда внутри уже стояли велосипеды, а всю правую сторону заняли полки в три яруса. По-настоящему он был тогда еще не Номером XII, а просто новой конфигурацией штабеля досок, но именно эти времена оставили в нем самый чистый и запомнившийся отпечаток: вокруг лежал необъяснимый мир, а он, казалось, в своем движении по нему остановился на какое-то время здесь, в этом месте.

Место, правда, было не из лучших – задворки пятиэтажки, возле огородов и помойки, – но стоило ли расстраиваться? Ведь не всю жизнь он здесь проведет. Задумайся он об этом, пришлось бы, конечно, ответить, что именно всю жизнь он здесь и проведет, как это вообще свойственно сараям, – но прелесть самого начала жизни заключается как раз в отсутствии таких размышлений: он просто стоял себе под солнцем, наслаждаясь ветром, летящим в щели, если тот дул от леса, или впадая в легкую депрессию, если ветер дул со стороны помойки, депрессия проходила, как только ветер менялся, не оставляя на его неоформившейся душе никаких следов.

Однажды к нему приблизился голый по пояс мужчина в красных тренировочных штанах, в руках он держал кисть и здоровенную жестянку краски. Этот мужчина, которого сарай уже научился узнавать, отличался

от всех остальных людей тем, что имел доступ внутрь, к велосипедам и полкам. Остановясь у стены, он обмакнул кисть в жестянку и провел по доскам ярко-багровую черту. Через час весь сарай багровел, как дым, в свое время восходивший, по некоторым сведениям, кругами к небу, это стало первой реальной вехой в его памяти – до нее на всем лежал налет потусторонности и счастья.

В ночь после окраски, получив черную римскую цифру – имя (на соседних сараях стояли обычные цифры), он просыхал, подставив луне покрытую толем крышу.

«Где я, – думал он, – кто я?»

Сверху было темное небо, потом – он, а внизу стояли новенькие велосипеды, на них сквозь щель падал луч от лампы во дворе, и звонки на их рулях блестели загадочней звезд. Сверху на стене висел пластмассовый обруч, и Номер XII самыми тонкими из своих досок осознавал его как символ вечной загадки мироздания, представленной – это было так чудесно – и в его душе. На полках с правой стороны лежала всякая ерунда, придававшая разнообразие и неповторимость его внутреннему миру. На нитке, протянутой от стены к стене, сохли душица и укроп, напоминая о чем-то таком, чего с сараями просто не бывает, – тем не менее они именно напоминали, и ему иногда мерещилось, что когда-то он был не сараем, а дачей, или, по меньшей мере, гаражом.

Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало, – то есть он сам – складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахших резиной и сталью, из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча, из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого. В каждом из этих существований было бесконечно много оттенков, но все-таки любому соответствовало что-то главное для него – какое-то решающее чувство, и все они, сливаясь, образовывали новое единство, огороженное в пространстве свежечершенными досками, но не ограниченное ничем, это и был он, Номер XII, и над ним в небе сквозь туман и тучи неслась полностью равноправная луна... С тех пор по-настоящему и началась его жизнь.

Скоро Номер XII понял, что больше всего ему нравится ощущение, источником или проводником которого были велосипеды. Иногда, в жаркий летний день, когда все вокруг стихало, он тайно отождествлял себя то со складной «Камой», то со «Спутником», и испытывал два разных вида полного счастья.

В этом состоянии ничего не стоило оказаться километров за пятьдесят от своего настоящего местонахождения и катить, например, по безлюдному мосту над каналом в бетонных берегах или по сиреневой обочине нагретого шоссе, сворачивать в тоннели, образованные разросшимися вокруг узкой грунтовой дорожки кустами, чтобы, попетляв по ним, выехать уже на другую дорогу, ведущую к лесу, через лес, а потом упирающуюся в оранжевые полосы над горизонтом, можно было, наверное, ехать по ней до самого конца жизни, но этого не хотелось, потому что счастье приносила именно эта возможность. Можно было оказаться в городе, в каком-нибудь дворе, где из трещин асфальта росли какие-то длинные стебли, и провести там весь вечер – вообще, можно было почти все.

Когда он захотел поделиться некоторыми из своих переживаний с оккультно ориентированным гаражом, стоящим рядом, он услышал в ответ, что высшее счастье на самом деле только одно и заключается оно в экстатическом единении с архетипом гаража – как тут было рассказать собеседнику о двух разных видах совершенного счастья, одно из которых было складным, а другое зато имело три скорости.

– Что, и я тоже должен стараться почувствовать себя гаражом? – спросил он как-то.

– Другого пути нет, – отвечал гараж, – тебе это, конечно, вряд ли удастся до конца, но у тебя все же больше шансов, чем у конуры или табачного киоска.

– А если мне нравится чувствовать себя велосипедом? – высказал Номер XII свое сокровенное.

– Ну что же, чувствуй – запретить не могу. Чувства низшего порядка для некоторых – предел, и ничего с этим не поделаешь, – сказал гараж.

– А чего это у тебя мелом на боку написано? – переменял тему Номер XII.

– Не твое дело, – ответил гараж с неожиданной злобой.

Номер XII заговорил об этом, понятно, от обиды – кому не обидно, когда его чувства называют низшими? После этого случая ни о каком общении с гаражом не могло быть и речи, да Номер XII и не жалел. Однажды утром гараж снесли, и Номер XII остался в одиночестве.

Правда, с левой стороны к нему подходили два других сарая, но он старался даже не думать о них. Не из-за того, что они были несколько другой конструкции и окрашены в тусклый неопределенный цвет – с этим можно было бы смириться. Дело было в другом: рядом, на первом этаже пятиэтажки, где жили хозяева Номера XII, находился большой овощной

магазин, и эти сараи служили для него подсобными помещениями. В них хранилась морковь, картошка, свекла, огурцы, но определяющим все главное относительно Номера 13 и Номера 14 была, конечно, капуста в двух накрытых полиэтиленом огромных бочках: Номер XII часто видел их стянутые стальными обручами глубоководные тела, выкатывающиеся на ребре во двор в окружении свиты испытанных рабочих. Тогда ему становилось страшно, и он вспоминал одно из высказываний покойного гаража, по которому он временами скучал: «От некоторых вещей в жизни надо попросту как можно скорее отвернуться», – вспоминал и сразу следовал ему. Темная труднопонимаемая жизнь соседей, их тухлые испарения и тупая жизнеспособность угрожали Номеру XII, потому что само существование этих приземистых построек отрицало все остальное и каждой каплей рассола в бочках заявляло, что Номер XII в этой вселенной совершенно не нужен, во всяком случае, так он расшифровывал исходившие от них волны осознания мира.

Но день кончался, свет мерк, Номер XII становился велосипедом, несущимся по пустынной автостраде, и вспоминать о дневных ужасах было просто смешно.

Была середина лета, когда звякнул замок, откинулась скоба запора и внутрь Номера XII вошли двое – хозяин и какая-то женщина. Она очень не понравилась Номеру XII, потому что непонятным образом напомнила ему все то, чего он не переносил. Не то чтобы от женщины пахло капустой и поэтому она производила такое впечатление – скорее наоборот, запах капусты содержал сведения об этой женщине, она как бы овеществляла собой идею квашения и воплощала ту угнетающую волю, которой Номера 13 и 14 были обязаны своим настоящим.

Номер XII задумался, а люди между тем говорили:

– Ну что, полки снять – и хорошо, хорошо...

– Сарай – первый сорт, – отзывался хозяин, выкатывая наружу велосипеды, – не протекает, ничего. А цвет-то какой!

Выкатив велосипеды и прислонив их к стене, он начал беспорядочно собирать с полок все, что там лежало. Тогда Номеру XII стало не по себе.

Конечно, и раньше велосипеды часто исчезали на какой-то срок, и он умел закрывать возникавшую пустоту своей памятью – потом, когда велосипеды ставили на место, он удивлялся несовершенству созданных ею образов по сравнению с действительной красотой велосипедов, запросто излучаемой ими в пространство, – так вот, пропав, велосипеды всегда возвращались, и эти недолгие расставания с главным в собственной душе сообщали жизни Номеру XII прелесть

непредсказуемости завтрашнего дня, но сейчас все было по-другому. Велосипеды забирали навсегда.

Он понял это по полному и бесцеремонному опустошению, которое производил в нем носитель красных штанов – такое было впервые. Женщина в белом халате давно уже ушла куда-то, а хозяин все копался, сгребая инструменты в сумку, снимая со стен жестянки и старые клееные камеры. Потом почти к двери подъехал грузовик, и оба велосипеда вслед за набитыми до отказа сумками покорно нырнули в его разверстый брезентовый зад.

Номер XII был пуст, а его дверь открыта настежь.

Но, несмотря ни на что, он продолжал быть самим собой. В нем продолжали жить души всего того, чего его лишила жизнь: и хоть они стали подобны теням, они по-прежнему сливались вместе, чтобы образовать его, Номера XII, вот только для сохранения индивидуальности требовалась вся сила воли, которую он мог собрать.

Утром он заметил в себе перемену – его не интересовал больше окружающий мир, а все, что его занимало, находилось в прошлом, перемещаясь кругами по памяти. Он знал, как это объяснить: хозяин, уезжая, забыл обруч, оставшийся единственной реальной частью его нынешней призрачной души, – и поэтому Номер XII теперь сильно напоминал себе замкнутую окружность. Но у него не было сил как-то к этому отнестись и подумать: хорошо ли это? Плохо ли? Все заливала и обесцвечивала тоска. Так прошел месяц.

Однажды появились рабочие, вошли в беззащитно раскрытую дверь и за несколько минут выломали полки. Не успел Номер XII прочувствовать свое новое состояние, как волна ужаса обдала его, показав, кстати, сколько в нем еще оставалось жизненной силы, нужной, чтобы испытывать страх.

По двору к нему катили бочку. Именно к нему. Даже на самом дне ностальгии, когда ему казалось, что ничего хуже случившегося с ним не может и присниться, он не думал о такой возможности.

Бочка была страшной. Она была огромной и выпуклой, она была очень старой, и ее бока, пропитанные чем-то чудовищным, издавали вонь такого спектра, что даже привычные к изнанке жизни работяги, катившие ее на ребре, отворачивались. При этом Номер XII видел нечто незаметное рабочим: в бочке холодело внимание и она мокрым подобием глаза воспринимала мир. Как ее вкатывали внутрь и крутили на полу, ставя в самый центр, потерявший сознание Номер XII не видел.

Страдание увечит. Прошло два дня, и к Номеру XII стали понемногу возвращаться мысли и чувства. Теперь он был другим, и все в нем было по-другому. В самом центре его души, там, где когда-то покоились омытые ветром рамы, теперь пульсировала живая смерть, стужавшаяся в бочку, которая медленно существовала и думала, мысли эти теперь были и мыслями Номера XII. Он ощущал брожение гнилого рассола, и это в нем поднимались пузыри, чтобы лопнуть на поверхности, образовав лунку на слое плесени, это в нем перемещались под действием газа разбухшие трупные огурцы, и это в нем напрягались пропитанные слизью доски, стянутые ржавым железом. Все это было им.

Номера 13 и 14 теперь не пугали его – наоборот, между ними быстро установилось полубессознательное товарищество. Но прошлое не исчезло полностью – оно просто было оттеснено и смято. Поэтому новая жизнь Номера XII была двойной. С одной стороны, он участвовал во всем на равных правах с Номерами 13 и 14, а с другой – где-то в нем скрывались чувства – сознание ужасной несправедливости того, что с ним произошло. Но центр тяжести его нового существа лежал, конечно, в бочке, которая издавала постоянное бульканье и потрескивание, пришедшее на смену воображаемому шелесту шин.

Номера 13 и 14 объясняли ему, что все случившееся – элементарный возрастной перелом.

– Вхождение в реальный мир с его заботами и тревогами всегда сопряжено с некоторыми трудностями, – говорил Номер 13, – совсем новые проблемы наполняют душу.

И добавлял ободряюще:

– Ничего, привыкнешь. Тяжело только сперва.

Четырнадцатый был сараем скорее философского склада (не в смысле хранилища), часто говорил о духовном и скоро убедил нового товарища, что раз прекрасное заключено в гармонии («Это раз», – говорил он), а внутри – и это объективно – находятся огурцы или капуста («Это два»), то прекрасное в жизни заключено в достижении гармонии с содержимым бочки и в устранении всего, что этому препятствует. Под край его собственной бочки, чтоб не вытекало, был подложен старый философский словарь, который он часто цитировал, он же помогал ему объяснять Номеру XII, как надо жить. Все же Номер 14 до конца не доверял новичку, чувствуя в нем что-то такое, чего сам Номер XII в себе уже не замечал.

Постепенно Номер XII и вправду привык. Иногда он даже чувствовал специфическое вдохновение, новую волю к своей новой жизни. Но все-

таки недоверие новых друзей было оправданным: несколько раз Номер XII ловил быстрый, как луч из замочной скважины, проблеск чего-то забытого и погружался тогда в сосредоточенное презрение к себе – чего уж говорить о других, которых он в эти минуты просто ненавидел.

Все это, конечно, подавлялось непобедимым мироощущением бочки с огурцами, и скоро Номер XII начинал недоумевать, чего это его так занесло. Постепенно он становился проще и прошлое все реже тревожило его, потому что трудно стало догонять слишком мимолетные вспышки памяти. Зато бочка все чаще казалась залогом устойчивости и покоя, как балласт на корабле, и иногда Номер XII так и представлял себя – в виде теплохода, плывающего в завтра.

Он стал чувствовать присущую своей бочке своеобразную доброту – но только с тех пор, как окончательно открыл ей что-то в себе. Огурцы теперь казались ему чем-то вроде детей.

Номера 13 и 14 были неплохими товарищами, и главное – в них он находил опору своему новому. Бывало, вечером они втроем молча классифицировали предметы мира, наполняя все вокруг общим пониманием, и когда какая-нибудь недавно построенная рядом будка содрогалась, он думал, глядя на нее: «Глупость... Ничего, переберется – поймет...» Несколько подобных трансформаций произошло на его глазах, и это лишний раз подтвердило его правоту. Испытывал он и ненависть – когда в мире появлялось что-то ненужное, слава Богу, такое случалось редко. Шли дни и годы, и казалось, уже ничего не изменится.

Как-то летним вечером, оглядывая свое нутро, Номер XII натолкнулся на непонятный предмет: пластмассовый обруч, обросший паутиной. Сначала он не мог взять в толк, что это и зачем, – и вдруг вспомнил: ведь столько было когда-то связано с этой штукой! Бочка в нем дремала, и какая-то другая его часть осторожно перебирала нити памяти, но все они были давно оборваны и никуда не приводили. Однако ведь было же что-то? Или не было? Сосредоточенно пытаюсь понять, о чем же это он не помнит, он на секунду перестал чувствовать бочку и как-то отделился от нее.

В этот самый момент во двор въехал велосипед, и ездок без всякой причины дважды прозвонил звоночком на руле. И этого хватило – Номер XII вдруг все вспомнил.

Велосипед.

Шоссе.

Закат.

Мост над рекой.

Он вспомнил, кто он на самом деле, и стал наконец собой – действительно собой. Все связанное с бочкой отпало, как сухая корка, он почувствовал отвратительную вонь рассола и увидел своих вчерашних товарищей, Номеров 13 и 14, такими, какими они были. Но думать об этом не было времени – надо было спешить, потому что он знал, что проклятая бочка, если он не успеет сделать того, что задумал, опять подчинит его и сделает собой.

Бочка между тем проснулась, поняла, и Номер XII ощутил знакомую волну холодного отупения: раньше он думал, что это его отупение. Проснувшись, бочка стала заполнять его, и он ничем не мог ответить на это, кроме одного.

Под выступом крыши шли два электрических провода. Когда-то они проходили через вырез в доске, но уже давно выбились из него и теперь врезались оголенной медью в дерево на палец друг от друга. Пока бочка приходила в себя и выясняла, в чем дело, он сделал единственное, что мог: изо всех сил надавил на эти провода, используя какую-то новую возможность, появившуюся у него от отчаяния. В следующий момент его смела непреодолимая сила, исшедшая из бочки с огурцами, и на какое-то время он просто перестал существовать. Но дело было сделано – провода, оказавшись в воздухе, коснулись друг друга, и на месте их встречи вспыхнуло лилово-белое пламя. Через секунду где-то выгорела пробка и ток в проводах пропал, но по сухой доске вверх уже подымалась узкая ленточка дыма, потом появился огонь и, не встречая на своем пути никакого препятствия, стал расти и подползать к крыше.

Номер XII очнулся после удара и понял, что бочка решила уничтожить его. Он сжал все свое существо в одной из верхних досок крыши и почувствовал, что бочка не одна – ей помогли Номера 13 и 14, которые давили на него снаружи.

«Очевидно, – со странной отрешенностью подумал Номер XII, – для них сейчас происходит что-то вроде обуздания помешанного, а может – прорезавшегося врага, который так ловко притворялся своим...» Додумать не удалось, потому что бочка, всей своей гнилью навалившись на границу его существования, удвоила усилия. Он выдержал, но понял, что следующий удар будет для него последним, и приготовился к смерти. Однако шло время, а нового удара не было. Тогда он несколько расширил свои границы и почувствовал две вещи. Первой был страх, принадлежавший бочке, – такой же холодный и медленный, как все ее проявления. Второй вещью был огонь, полыхавший вокруг и уже подбиравшийся к одушевляемой Номером XII части потолка. Пылали

ОМ №00000529186

стены, огненными слезами рыдал толь на крыше, а внизу горели пластмассовые бутылки с подсолнечным маслом. Некоторые из них лопались, рассол в бочке кипел, и она, несмотря на все свое могущество, погибала. Номер XII расширил себя по всей части крыши, которая еще существовала, и вызвал в своей памяти тот день, когда его покрасили, а главное – ту ночь: он хотел умереть с этой мыслью. Сбоку уже горел Номер 13, и это было последним, что он заметил. Но смерть не шла, а когда его последнюю щепку охватил огонь, случилось неожиданное.

Завхоз семнадцатого овощного, та самая женщина, шла домой в поганом настроении. Вечером, часов в шесть, неожиданно загорелась подсобка, где стояли масло и огурцы. Масло разлилось, и огонь перекинулся на соседние сараи – в общем, выгорело все что могло. От двенадцатого сарая остались только ключи, а от тринадцатого и четырнадцатого – по несколько обгорелых досок.

Пока составляли акты и объяснялись с пожарными, стемнело, и идти было страшно, так как дорога была пустынной и деревья по бокам стояли как бандиты. Завхоз остановилась и поглядела назад – не увязался ли кто следом. Вроде было пусто. Она сделала еще несколько шагов и оглянулась: кажется, вдали что-то мигало. На всякий случай она отошла в сторону, за дерево, и стала напряженно вглядываться в темноту, ожидая, пока ситуация прояснится.

В самой дальней видимой точке дороги появилось светящееся пятнышко. «Мотоцикл!» – подумала завхоз и крепче вжалась в дерево. Однако шума мотора слышно не было. Светлое пятно приближалось, и стало видно, что оно не движется по дороге, а летит над ней. Еще секунда, и пятно превратилось в совершенно нереальную вещь – велосипед без велосипедиста, летящий на высоте трех или четырех метров. Странной была его конструкция – он выглядел как-то грубо, будто был сколочен из досок, – но самым странным было то, что он светился и мерцал, меняя цвета, становясь то прозрачным, то зажигаясь до нестерпимой яркости. Не помня себя, завхоз вышла на середину дороги, и велосипед явным образом отреагировал на ее появление. Он снизился, сбавил скорость и описал над головой одуревшей женщины несколько кругов, потом поднялся вверх, застыл на месте и строго, как флюгер, повернул над дорогой. Провисев так мгновение или два, он тронулся наконец с места, разогнался до невероятной скорости и превратился в сверкающую точку в небе. Потом она исчезла.

Придя в себя, завхоз заметила, что сидит на середине дороги. Она встала, отряхнулась и, совсем забыв... Впрочем, Бог с ней.

Задание 2.

Прочитайте стихотворение И. Анненского «Я на дне». Напишите небольшое эссе (200-300 слов), в котором порассуждайте на материале этого стихотворения, как поэзия открывает взгляд на мир с неожиданной точки зрения, иногда даже неодушевленного предмета. К чему стремится «печальный обломок»? Знаете ли Вы еще стихотворения, в которых взгляд устремлен к небу, звездам, стремится к полету? Придумайте заглавие для своего эссе.

Количество баллов – 30.

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода.
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...

Помню небо, зигзаги полета,
Белый мрамор, под ним водоем,
Помню дым от струи водомета,
Весь изнизанный синим огнем...

Если ж верить тем шепотам бреда,
Что томят мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искаленной белой рукой.

ОМ №00000529186

Организатору в аудитории

Для экспере-проверки качества печати комплекта убедитесь, что на данном листе:

- 7) печать выполнено равномерно – без белых или тёмных полос по листу;
- 8) текст чёткий и легко читаемый;
- 9) защитные знаки чётко видны и не затрудняют чтение текста.

Участнику олимпиады

Убедитесь в целостности комплекта:

- 7) внимательно рассмотрите цифровые значения штрихкода на бланке регистрации и номер ОМ на листах с ОМ;
- 8) удостоверьтесь в том, что на данном листе отражены цифровые значения штрихкода бланка регистрации и номер ОМ Вашего комплекта;
- 9) удостоверьтесь, что указанные цифровые значения совпали.

В случае несовпадения указанных цифровых значений следует обратиться к организатору в аудитории и получить другой комплект.

**Всероссийская олимпиада школьников
по ЛИТЕРАТУРЕ****Муниципальный этап
10 класс****Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 270 минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 100

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа Наталии Соколовской «Тёзки». Можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в этом порядке.

1. Какую роль в рассказе играют упоминания произведения Л. Толстого?
2. Как к героине приходит понимание, что другой человек стал для нее самым близким?
3. Какую роль играет в рассказе мир вещей? Какую роль играет образ города в рассказе?
4. Почему героиня слышит странную музыку?

Количество баллов – 70.

Спустя годы Анна догадалась, что была Неля Николаевна похожа на старую нянюшку Наталью Савишну из «Детства». Постоянно в заботах, маленькая, добрая. Только масти другой. Впрочем, какой масти была настоящая Наталья Савишна, один Бог знает. Классик расщедрился лишь на девическую краснощекость. Но и тут вышло совпадение, потому что и ее «Савишна» была полнокровной, отчего гимназисткой страдала и пила уксус для придания лицу «благородной бледности».

...Щеки Нели Николаевны казались обожженными, потому что трамвай в те годы ходили без подогрева, а познакомились они именно в трамвае и как раз в разгар зимы. Неле Николаевне было шестьдесят, а ей пять. Неля Николаевна была трамвайной кондукторшей. А она ехала в детский сад. С Петроградской стороны к Марсову полю.

В промерзшую двоечку садились они с мамой на углу Чапаева и Куйбышева. Трамвайная остановка была против глубокой мрачной арки, ведущей в лабиринт проходных дворов, в первом из которых, на третьем этаже шестиэтажного доходного дома с приличным парадным подъездом, где на кафельном полу были выложены цифры «1912», и жила Неля Николаевна.

Двоечка (огоньки синий и красный) была прямоугольной «американкой» с темно-красными лакированными боками и

вместительным золотистым нутром. Первый Аннин связанный с каждодневным бытом трамвай. И новые, легкие и узкие трамваи, пришедшие вскоре на смену «американкам», казались ей ненастоящими, подделкой, так же как собаки, если они не овчарки (порода, максимально близкая к Белому Клыку), казались ей не вполне собаками.

Мать ставила ее возле барьерчика, отделявшего место кондуктора. Таким образом грудь кондуктора – точнее, кондукторши, через день всегда одной и той же – оказывалась как раз против Аннинных глаз. Иногда, если народу было совсем битком, Неля Николаевна запускала Анну в свою загородку и даже позволяла отрывать для граждан проездные билеты.

Анна понимала, как хорошо быть таким нужным человеком, в униформе, с кожаной портупей и тремя катушками разноцветных билетных ленточек на груди.

Жили они тогда через дорогу от Нели Николаевны, в коммуналке на улице Куйбышева, бывшей Большой Дворянской.

* * *

В коммуналке, в их узкой комнате, пять метров которой пошли на длину и два на ширину, где весь левый, ближний к двери угол занимала высокая, под потолок, печь с рифлеными боками и придвинутое к печи ведро с чугунной кочергой и чугунным совком, где возле окна красовалось трехстворчатое нравоучительное трюмо, в котором всегда можно было видеть себя со стороны, – так вот, в этой комнате происходили по воскресным и праздничным утрам странные вещи. Точнее, одна и та же странная вещь. Да и не вещь вовсе, а звуки, природу которых Анна так и не узнала.

Когда не надо было вставать ни свет ни заря, одеваться-шнуроваться и спешить на угол Куйбышева и Чапаева к трамвайной остановке, в их комнате, высоко, там, где пестрая ленточка бордюра почти подпирала потолок, звучала музыка. Позже Анна поняла, что так звучать мог орган. И все же это были человеческие голоса. Будто много людей, мужчин и женщин, собрались там, наверху, и начали петь.

Только откуда бы взяться в их коммуналке органу или такому количеству поющих людей? И вообще, по радио утром, да и вечером, тогда звучали совсем другие мелодии. И только у нее из-за бордюра, точно с узких филармонических хоров, звучало *это*...

Длилась благодать считанные минуты между еще сном и уже явью и с полным пробуждением исчезала. Но очень скоро Анна выучилась, не дав себе до конца вынырнуть, возвращаться назад, в сон, и тогда наваждение подступало с новой силой.

Чудеса продолжались немного и после переезда на новую квартиру, где никакого бордюра не было. Но когда Анна еще подросла, все само по себе сошло на нет, растаяло, точно детский, с барбарисовым вкусом леденец за щекой, и никаким усилием воли повторить *это* больше не удавалось.

В узкой, как школьный пенал, комнате на Куйбышева часто появлялась теперь Неля Николаевна, уже просто баба Неля. Она окончательно вышла на пенсию и стала забирать Анну сначала из детского сада, потом из школы. Иногда родители, уходя вечером в кино или в гости, звали Нелю Николаевну *посидеть* с Анной или же *закидывали* Анну к ней.

Сначала Аннина мать что-то платила Неле Николаевне как няньке. Но скоро деньги брать та наотрез отказалась, а просто помогала, превратившись из трамвайной кондукторши в родню.

Ходить в магазины, на рынок, в сберкассу платить за квартиру или еще куда по взрослым делам Анна любила больше всего с Нелей Николаевной. Во-первых, потому что она не ленилась рассказывать всякое интересное про прежнюю жизнь. Во-вторых, с ней у Анны не ныло плечо. Ведь одно дело, когда за руку тебя тащит высокий и вечно спешащий взрослый, и совсем другое, когда это маленького росточка бабушка, за которой не надо поспевать вприпрыжку и в чьей ладони, сухой и шершавой, как вязаная рукавичка, так приятно согреть замерзшие пальцы.

* * *

У Нели Николаевны был сын Георгий, Гера. И кроме Геры, были маленькая дочь и «муж, военный командир». Но тридцатидвухлетний Гера действительно был, а мужа и дочери

давно не было: командир погиб на фронте, а маленькая дочь умерла в блокаду.

Еще был у Нели Николаевны младший брат в далекой заграничной стране Болгарии, потому что их семью в Гражданскую войну разметало по свету. И этот болгарский брат был на самом деле почти греком. И Неля Николаевна тоже была по отцу гречанкой. И полное имя у нее было Неонила, такое тягучее, вмещающее названия сразу двух рек – Невы и Нила, даже с соединительным «о» посередине. И не греческое, а, бери выше, почти египетское имя.

Но все это выяснилось после того, как, подталкиваемая матерью в спину, потому что боялась незнакомой комнаты с незнакомым в ней сыном, Анна первый раз пришла в гости к Неле Николаевне.

Навстречу им шагнул высокий, сутулящийся, как подросток, мужчина с добрыми карими глазами. Гера. Руки у него были длинные, с широкими длиннопальными кистями, и сам он был неуклюжий и, как потом, уже дома, обронила мама в разговоре с отцом, «не в себе», и, подумав, уточнила еще более непонятным: «не от мира сего».

Анна пыталась понять, что это значило и где еще, кроме себя, бывал Гера и от какого же он такого мира. Ей нравилось, как Гера склоняет к плечу голову, прислушиваясь к чему-то снаружи, чего другие не слышат, и блаженно улыбается. Может, он слышал ту же музыку, которая доносилась из-за бордюра их комнаты в коммуналке? А потом она и про *мир* догадалась, про то, что Гера не от мира – от войны.

В *малонаселенной* коммунальной квартире у Нели Николаевны было почти две комнаты. Почти, потому что большая, по Анниным представлениям, «гостиная» перетекала в отделенную тяжелой бархатной портьерой импровизированную спальню. Там, справа, было единственное окно, выходившее во внутренний двор-колодец. Точнее, в стену, которую образовывал выступ дома и до которой можно было при желании дотянуться рукой. Этот двойной заслон из стены и портьеры не то что солнечный, и дневной-то свет почти не пропускал. Однако в прохладном вечном сумраке бледно

ОМ №00000529186

зеленела и помавала крупными резными листьями комнатная пальма.

И распевное имя хозяйки, и пальма, растущая в темноте, попирая все законы ботаники, были так же роскошны и невероятны, как висевший в спальне портрет чернокудрой кареглазой красавицы с перламутровой серьгой-слезкой в мочке маленького уха и наброшенном поверх голых плеч газовом шарфе («Это в год окончания гимназии»).

Рядом с пальмой в гостиной стоял *инструмент* – черное пианино, покрытое растрескавшимся мутным лаком. Крышка пианино была всегда поднята, открывая ряд уступчивых пергаментных клавиш.

Все помыслы, все душевные движения Нели Николаевны были сосредоточены на Гере, не приспособленном для нормальной, в человеческом понимании, жизни. Плохо перенося общественный транспорт, он зимой и летом перемещался по городу на велосипеде, где-то работал *легкотрудником* и получал маленькую пенсию по инвалидности. И жил он словно сказочный принц – часами музицируя на специально для него приобретенном пианино, потому что «Гера настоящий талант и играет все по слуху, без нот». И было это чистой правдой.

Забравшись в плюшевое разбитое кресло, Анна внимательно следила, как Геринины такие неуклюжие в обычной жизни руки путем недолгих проб и ошибок нашаривают в воздухе над клавиатурой любую музыку: от цыганского романса до симфоний, которые исполняли целые оркестры.

И вообще оказалось, что Гера похож на обожаемую всей страной знаменитость, своего почти ровесника и тоже здорово смахивающего на принца Вана Клиберна.

* * *

Завсегдатай Аннинных дней рождений, Неля Николаевна приезжала в любой мороз в их новую квартиру на другом конце города, садилась с краю стола, не претендуя на близость к «настоящей» родне, и от души нахваливала праздничную стряпню. Перед чаем она уводила Анну в ее комнату и вручала очередной диковинный подарок: то невесть где добытую волшебную книжку-

раскладку «Кот в сапогах» с подвижными фигурками героев, то самодельный альбом, полный Аннинных разновозрастных фотографий, снабженных стихотворными подписями, то старинный, инкрустированный перламутром театральный бинокль.

А как-то достала из своей растрескавшейся сумки конусообразный кулек, приоткрыв который Анна с удивлением обнаружила гроздь черного винограда. Учитывая сезонность советской торговли, виноград в январе был настоящим чудом, и Анна уже вскочила, чтобы предьявить это чудо гостям, однако Неля Николаевна протестующе схватила ее за руку, то ли боясь, что Анна начнет делиться со всеми и самой ничего не достанется, то ли стесняясь скудости своего дара. Вот тогда Анна вспомнила и Наталью Савишну, и протянутый Николеньке рожок с двумя карамельками и одной винной ягодой.

И что с того, что винная ягода – это инжир. Анна не сомневалась: в том, Николенькином кулке – тоже был черный виноград.

– Ешь тут. Он мытый. – Неля Николаевна усадила Анну на диван, развернула плотную коричневую бумагу и с беспокойством оглядела гроздь. – Ведь не промерз? Он у меня еще в двух газетах был. Не может быть, чтобы промерз.

...Схваченный морозом виноград был упоительно вкусным, особенно самые замороженные ягоды, особенно когда они смешивались со вкусом слез. Анна знала – не всякому счастливцу дано испробовать это редкое сочетание.

* * *

В конце жизни Неля Николаевна сильно болела, и как-то Анна пришла навещать ее уже в больницу.

В палате лежало десять человек. Возле кровати Нели Николаевны, в головах, стояла, словно пришедший за ней ангел, прозрачная капельница, а сама она тихо дремала, прижав к груди потрепанную школьную тетрадку. И без того имевшая небольшой росток, она стала теперь совсем крошечной. Словно от постоянных забот и тревог произошла усушка и утриска всего ее организма.

Женщина с соседней койки сказала, не то укоряя, не то восхищаясь: «Вчера думали, Богу душу отдаст, так плохо было, а сегодня утром романсы распевала». На тетрадке было написано тем

ОМ №00000529186

же аккуратным круглым почерком, что и «мира во всем мире», – «Любимые стихи».

...В последний раз Неля Николаевна запомнилась ей в чистеньком, накрахмаленном халатике с крупными сиреневыми цветами по всему полю. Она полусидела в кровати, говорила, что купила наконец-то Гере настоящий кабинетный «Бехштейн» («Пойди посмотри в соседской комнате, она теперь опять наша»), что «денег Герочке должно хватить, а на похороны, слава богу, отложено», перебирала узловатыми негнушимися пальцами край одеяла и морщилась от сердечных болей.

Неля Николаевна умерла летом. Заниматься похоронами, кроме растерявшегося Геры и Анны, было некому. Анна отправилась в контору на улице Достоевского, заказала гроб, покрывало, подушечку и пресловутые «белые тапочки», кроем и весом напоминавшие школьные спортивные «чешки». На отпевании выяснилось, что Неля Николаевна в крещении приняла имя «Анна».

Гере достался скудный скарб, пальма в кадке и кабинетный «Бехштейн», а ей – засевшее в кончиках пальцев начало безмянного романа, которому Неля Николаевна когда-то начала ее учить, да так и не доучила, а еще – пристрастие к схваченному морозом черному винограду.

Гера стал старым человеком с доброй и растерянной улыбкой, музицировал на старом рояле и колесил по городу на старом велосипеде. А потом и сам он, и даже тень его затерялись в залитой солнцем перспективе Большой Дворянской улицы, неподалеку от поворота на Троицкий мост, в том самом месте, где однажды Анна будет переходить дорогу с не чайным и драгоценным спутником, единственным, кто пообещает ей, что она не умрет никогда.

Задание 2.

Прочитайте стихотворение М. Цветаевой «Дом». Напишите небольшое эссе (200-300 слов), в котором порассуждайте, почему именно дом стал центром поэтического мира в этом стихотворении? Какие детали важны для создания поэтического образа дома? Знаете ли Вы еще стихотворения, в

которых центральным становится образ дома? Придумайте заглавие для своего эссе.

Количество баллов – 30.

Дом

Из-под нахмуренных бровей
Дом — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: — Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я — грузи! вези! —
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трупоб
Фронтоном чувствовала лоб.

Аполлонический подъем
Музейного фронтона — лбом
Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни —
Как за ветвями бузины.

Глаза — без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий — сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон

ОМ №00000529186

Которого: гостей не ждять,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся — да! —
Зерцалами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей —
О, зелень юности моей!
Та — риз моих, та — бус моих,
Та — глаз моих, та — слез моих...

Меж обступающих громад —
Дом — пережиток, дом — магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип
Души моей...

1931 г.

ОМ №00000529186

Организатору в аудитории

Для экспресс-проверки качества печати комплекта убедитесь, что на данном листе:

- 10) печать выполнено равномерно – без белых или тёмных полос по листу;
- 11) текст чёткий и легко читаемый;
- 12) защитные знаки чётко видны и не затрудняют чтение текста.

Участнику олимпиады

Убедитесь в целостности комплекта:

- 10) внимательно рассмотрите цифровые значения штрихкода на бланке регистрации и номер ОМ на листах с ОМ;
- 11) удостоверьтесь в том, что на данном листе отражены цифровые значения штрихкода бланка регистрации и номер ОМ Вашего комплекта;
- 12) удостоверьтесь, что указанные цифровые значения совпали.

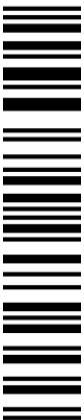
В случае несовпадения указанных цифровых значений следует обратиться к организатору в аудитории и получить другой комплект.

**Всероссийская олимпиада школьников
по ЛИТЕРАТУРЕ****Муниципальный этап
11 класс****Инструкция по выполнению работы
Время выполнения работы – 270- минут.**

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания на беловике. Пишите ответы на вопросы разборчивым почерком, оставляйте поля.

Максимальное количество баллов – 100

Желаем успеха!

Задание 1.

Дайте целостный анализ рассказа В. Набокова «Облако, озеро, башня».

Можно опираться на вопросы, которые даны ниже, но не обязательно отвечать на вопросы, тем более в порядке, в котором они даны.

Количество баллов – 70.

1. Почему повествователь так подробно рассказывает о спутниках героя?
2. Как в рассказе показано ожидание счастья героем?
3. Почему герой понял, что его ждет в этом доме счастливая жизнь?
4. Какую роль играет в финале рассказа выражение «приглашение на казнь» (вспомните, что у того же автора есть роман с таким названием)?

Один из моих представителей, скромный, кроткий холостяк, прекрасный работник, как-то на благотворительном балу, устроенном эмигрантами из России, выиграл увеселительную поездку. Хотя берлинское лето находилось в полном разливе (вторую неделю было сыро, холодно, обидно за все зеленевшее зря, и только воробьи не унывали), ехать ему куда не хотелось, но когда в конторе общества увеспоездок он попробовал билет свой продать, ему ответили, что для этого необходимо особое разрешение от министерства путей сообщения; когда же он и туда сунулся, то оказалось, что сначала нужно составить сложное прошение у нотариуса на гербовой бумаге, да кроме того раздобыть в полиции так называемое «свидетельство о невыезде из города на летнее время», причем выяснилось, что издержки составят треть стоимости билета, т. е. как раз ту сумму, которую, по истечении нескольких месяцев, он мог надеяться получить. Тогда, повздыхав, он решил ехать. Взял у знакомых алюминиевую фляжку, подновил подошвы, купил пояс и фланелевую рубашку вольного фасона,- одну из тех, которые с таким нетерпением ждут стирки, чтобы сесть. Она, впрочем, была велика этому милому, коротковатому человеку, всегда аккуратно подстриженному, с умными и добрыми глазами. Я сейчас не могу вспомнить его имя и отчество. Кажется, Василий Иванович.

Он плохо спал накануне отбытия. Почему? Не только потому, что утром надо вставать непривычно рано и таким образом брать с собой в сон личико часов, тикающих рядом на столике, а потому что в ту ночь ни

с того, ни с сего ему начало мниться, что эта поездка, навязанная ему случайной судьбой в открытом платье, поездка, на которую он решился так неохотно, принесет ему вдруг чудное, дрожащее счастье, чем-то схожее и с его детством, и с волнением, возбуждаемым в нем лучшими произведениями русской поэзии, и с каким-то когда-то виденным во сне вечерним горизонтом, и с тою чужою женой, которую он восьмой год безвыходно любил (но еще полнее и значительнее всего этого). И кроме того он думал о том, что всякая настоящая хорошая жизнь должна быть обращением к чему-то, к кому-то.

Утро поднялось пасмурное, но теплое, парное, с внутренним солнцем, и было совсем приятно трястись в трамвае на далекий вокзал, где был сборный пункт: в экскурсии, увы, участвовало несколько персон. Кто они будут, эти сонные - как все еще нам незнакомые - спутники? У кассы номер шесть, в семь утра, как было указано в примечании к билету, он и увидел их (его уже ждали: минуты на три он все-таки опоздал). Сразу выделился долговязый блондин в тирольском костюме, загорелый до цвета петушиного гребня, с огромными, золотисто-оранжевыми, волосатыми коленями и лакированным носом. Это был снаряженный обществом вожак, и как только новоприбывший присоединился к группе (состоявшей из четырех женщин и стольких же мужчин), он ее повел к запрятанному за поездами поезду, с утрашающей легкостью неся на спине свой чудовищный рюкзак и крепко цокая подкованными башмаками. Разместились в пустом вагончике сугубо-третьего класса, и Василий Иванович, сев в сторонке и положив в рот мятку, тотчас раскрыл томик Тютчева, которого давно собирался перечитать («Мы слизь. Реченная есть ложь», - и дивное о румянном восклицании); но его попросили отложить книжку и присоединиться ко всей группе. Пожилой почтовый чиновник в очках, со щетинисто сизыми черепом, подбородком и верхней губой, словно он сбрил ради этой поездки какую-то необыкновенно обильную растительность, тотчас сообщил, что бывал в России и знает немножко по-русски, например, «пацлуй», да так подмигнул, вспоминая проказы в Царицыне, что его толстая жена набросала в воздухе начало оплеухи наотмашь. Вообще становилось шумно. Перекидывались пудовыми шутками четверо, связанные тем, что служили в одной и той же строительной фирме, - мужчина постарше, Шульц, мужчина помоложе, Шульц тоже, и две девицы с огромными ртами, задастые и непоседливые. Рыжая, несколько фарсового типа вдова в спортивной юбке тоже кое-что знала о России (Рижское взморье). Еще был темный, с глазами без блеска, молодой человек, по фамилии Шрам, с

чем-то неопределенным, бархатно-гнусным, в облике и манерах, все время переводивший разговор на те или другие выгодные стороны экскурсии и дававший первый знак к восхищению: это был, как узналось впоследствии, специальный подогреватель от общества увеспоездок.

Паровоз, шибко-шибко работая локтями, бежал сосновым лесом, затем - облегченно - полями, и понимая еще только смутно всю чушь и ужас своего положения, и, пожалуй, пытаясь уговорить себя, что все очень мило, Василий Иванович ухитрялся наслаждаться мимолетными дарами дороги. И действительно: как это все увлекательно, какую прелесть приобретает мир, когда заведен и движется каруселью! Какие выясняются вещи! Жгучее солнце пробиралось к углу окошка и вдруг обливало желтую лавку. Безумно быстро неслась плохо выглаженная тень вагона по травяному скату, где цветы сливались в цветные строки. Шлагбаум: ждет велосипедист, опираясь одной ногой на землю. Деревья появлялись партиями и отдельно, поворачивались равнодушно и плавно, показывая новые моды. Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых. Нас с ним всегда поражала эта страшная для души анонимность всех частей пейзажа, невозможность никогда узнать, куда ведет вон та тропинка, - а ведь какая соблазнительная глушь! Бывало, на дальнем склоне или в лесном просвете появится и как бы замрет на мгновение, как задержанный в груди воздух, место до того очаровательное,- полянка, терраса,- такое полное выражение нежной, благожелательной красоты,- что, кажется, вот бы остановить поезд и - туда, навсегда, к тебе, моя любовь... но уже бешено заскакали, вертятся в солнечном кипятке, тысячи буковых стволов, и опять прозевал счастье. А на остановках Василий Иванович смотрел иногда на сочетание каких-нибудь совсем ничтожных предметов - пятно на платформе, вишневая косточка, окурок,- и говорил себе, что никогда-никогда не запомнит и не вспомнит более вот этих трех штучек в таком-то их взаимном расположении, этого узора, который однако сейчас он видит до бессмертности ясно; или еще, глядя на кучку детей, ожидающих поезда, он изо всех сил старался высмотреть хоть одну замечательную судьбу - в форме скрипки или короны, пропеллера или лиры,- и досматривался до того, что вся эта компания деревенских школьников являлась ему как на старом снимке, воспроизведенном теперь с белым крестиком над лицом крайнего мальчика: детство героя.

Но глядеть в окно можно было только урывками. Всем были розданы нотные листки со стихами от общества:

Распростишься с пустой тревогой,

Палку толстую возьми

И шагай большой дорогой

Вместе с добрыми людьми.

По холмам страны родимой

Вместе с добрыми людьми,

Без тревоги нелюдимой,

Без сомнений, черт возьми.

Километр за километром

Ми-ре-до и до-ре-ми,

Вместе с солнцем, вместе с ветром,

Вместе с добрыми людьми.

Это надо было петь хором. Василий Иванович, который не то что петь, а даже плохо мог произносить немецкие слова, воспользовался неразборчивым ревом слившихся голосов, чтобы только приоткрывать рот и слегка покачиваться, будто в самом деле пел, - но предводитель по знаку вкрадчивого Шрама вдруг резко приостановил общее пение и, подозрительно щурясь в сторону Василия Ивановича, потребовал, чтоб он пропел соло. Василий Иванович прочистил горло, застенчиво начал и после минуты одиночного мучения подхватили все, но он уже не смел выпасть.

У него было с собой: любимый огурец из русской лавки, булка и три яйца. Когда наступил вечер и низкое алое солнце целиком вошло в замызганный, закачанный, собственным грохотом оглушенный вагон, было всем предложено выдать свою провизию, дабы разделить ее поровну,- это тем более было легко, что у всех кроме Василия Ивановича было одно и то же. Огурец всех рассмешил, был признан несъедобным и выброшен в окошко. Ввиду недостаточности пая, Василий Иванович получил меньшую порцию колбасы.

Его заставляли играть в скат, тормозили, расспрашивали, проверяли, может ли он показать на карте маршрут предпринятого путешествия, - словом, все занимались им, сперва добродушно, потом с угрозой, растущей по мере приближения ночи. Обоих девиц звали Гретами, рыжая вдова была чем-то похожа на самого петуха-предводителя; Шрам, Шульц и Другой Шульц, почтовый чиновник и его жена, все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться. Оно налезало на него со всех сторон. Но вдруг на какой-то станции все повылезли, и это было уже в темноте, хотя на западе еще стояло длиннейшее, розовейшее облако, и,

ОМ №00000529186

пронзая душу, подальше на пути, горел дрожащей звездой фонарь сквозь медленный дым паровоза, и во мраке цыкали сверчки, и откуда-то пахло жасмином и сеном, моя любовь.

На другой день с раннего утра и до пяти пополудни пылили по шоссе, лениво переходившему с холма на холм, а затем пошли зеленой дорогой через густой бор. Василию Ивановичу, как наименее нагруженному, дали нести под мышкой огромный круглый хлеб. До чего я тебя ненавижу, насыщенный! И все-таки его драгоценные, опытные глаза примечали что нужно. На фоне еловой черноты вертикально висит сухая иголка на невидимой паутинке.

Опять ввалились в поезд, и опять было пусто в маленьком, без перегородок, вагоне. Другой Шульц стал учить Василия Ивановича играть на мандолине. Было много смеху. Когда это надоело, затеяли славную забаву, которой руководил Шрам; она состояла вот в чем: женщины ложились на выбранные лавки, а под лавками уже спрятаны были мужчины, и вот, когда из-под той или другой вылезала красная голова с ушами или большая, с подбрюбочным направлением пальцев, рука (вызывавшая визг), то и выяснялось, кто с кем попал в пару. Трижды Василию Ивановичу ложился в мерзкую тьму, и трижды никого не указывалось на скамейке, когда он из-под нее выползал. Его признали проигравшим.

Ночь провели на соломенных тюфяках в каком-то сарае и спозаранку отправились снова пешком. Елки, обрывы, пенистые речки. От жары, от песен, которые надо было беспрестанно горланить, Василий Иванович так изнемог, что на полднем привале немедленно уснул и только тогда проснулся, когда на нем стали шлепать мнимых оводов. А еще через час ходьбы вдруг и открылось ему то самое счастье, о котором он как-то вполгрезы подумал.

Это было чистое, синее озеро с необыкновенным выражением воды. Посередине отражалось полностью большое облако. На той стороне, на холме, густо облепленном древесной зеленью (которая тем поэтичнее, чем темнее), высилась прямо из дактиля в дактиль старинная черная башня. Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот, по невыразимой и неповторимой согласованности его трех главных частей, по улыбке его, по какой-то таинственной невинности, - любовь моя! послушная моя! - был чем-то таким единственным, и родным и давно обещанным, так понимал созерцателя, что Василий Иванович даже прижал руку к сердцу, словно смотрел тут ли оно, чтоб его отдать.

Поодаль Шрам, тыкая в воздух альпенштоком предводителя, обращал Бог весть на что внимание экскурсантов, расположившихся кругом на траве в любительских позах, а предводитель сидел на пне, задом к озеру, и закусывал. Потихоньку, прячась за собственную спину, Василий Иванович пошел берегом и вышел к постоялому двору, где, прижимаясь к земле, смеясь, истово бия хвостом, его приветствовала молодая еще собака. Он вошел с нею в дом, пегий, двухэтажный, с прищуренным окном под выпуклым черепичным веком и нашел хозяина, рослого старика, смутно инвалидной внешности, столь плохо и мягко изъяснявшегося по-немецки, что Василий Иванович перешел на русскую речь; но тот понимал как сквозь сон и продолжал на языке своего быта, своей семьи. Наверху была комната для приезжих. - Знаете, я сниму ее на всю жизнь, - будто бы сказал Василий Иванович, как только в нее вошел. В ней ничего не было особенного, - напротив, это была самая дюжинная комнатка, с красным полом, с ромашками, намалеванными на белых стенах, и небольшим зеркалом, наполовину полным ромашкового настоя, - но из окошка было ясно видно озеро с облаком и башней, в неподвижном и совершенном сочетании счастья. Не рассуждая, не вникая ни во что, лишь беспрекословно отдаваясь влечению, правда которого заключалась в его же силе, никогда еще не испытанной, Василий Иванович в одну солнечную секунду понял, что здесь, в этой комнатке с прелестным до слез видом в окне, наконец-то так пойдет жизнь, как он всегда этого желал. Как именно пойдет, что именно здесь случится, он этого не знал, конечно, но все кругом было помощью, обещанием и отрадой, так что не могло быть никакого сомнения в том, что он должен тут поселиться. Мигом он сообразил, как это исполнить, как сделать, чтобы в Берлин не возвращаться более, как выписать сюда свое небольшое имущество - книги, синий костюм, ее фотографию. Все выходило так просто! У меня он зарабатывал достаточно на малую русскую жизнь.

- Друзья мои,- крикнул он, прибежав снова вниз на прибрежную полянку. - Друзья мои, прощайте! Навсегда остаюсь вон в том доме. Нам с вами больше не по пути. Я дальше не еду. Никуда не еду. Прощайте!

- То есть как это? - странным голосом проговорил предводитель, выдержав небольшую паузу, в течение которой медленно линяла улыбка на губах у Василия Ивановича, между тем как сидевшие на траве привстали и каменными глазами смотрели на него.

- Пойдите, господа,- сказал предводитель,- одну минуточку,- и, облизнувшись, он обратился к Василию Ивановичу:

- Вы должно быть, действительно, подвыпили, - сказал он спокойно. - Или сошли с ума. Вы совершаете с нами увеселительную поездку. Завтра по указанному маршруту - посмотрите у себя на билете - мы все возвращаемся в Берлин. Речи не может быть о том, чтобы кто-либо из нас - в данном случае вы - отказался продолжать совместный путь. Мы сегодня пели одну песню,- вспомните, что там было сказано. Теперь довольно! Собирайтесь, дети, мы идем дальше.

- Нас ждут в Эвальде, - ласково сказал Шрам.- Пять часов поездом. Прогулки. Охотничий павильон. Угольные копи. Масса интересного.

- Я буду жаловаться, - завопил Василий Иванович. - Отдайте мне мой мешок. Я вправе остаться где желаю. Да ведь это какое-то приглашение на казнь,- будто добавил он, когда его подхватили под руки.

- Если нужно, мы вас понесем,- сказал предводитель,- но это вряд ли будет вам приятно. Я отвечаю за каждого из вас и каждого из вас доставлю назад живым или мертвым.

Увлекаемый, как в дикой сказке по лесной дороге, зажатый, скрученный, Василий Иванович не мог даже обернуться и только чувствовал, как сияние за спиной удаляется, дробимое деревьями, и вот уже нет его, и кругом чернеет бездейственно ропщущая чаша. Как только сели в вагон и поезд двинулся, его начали избивать. Было превесело.

По возвращении в Берлин он побывал у меня. Очень изменился. Тихо сел, положив на колени руки. Рассказывал. Повторял без конца, что принужден отказаться от должности, умолял отпустить, говорил, что больше не может, что сил больше нет быть человеком. Я его отпустил, разумеется.

Задание 2.

Прочитайте стихотворение Б. Окуджавы «Человек стремится в простоту». Напишите небольшое эссе (200-300 слов), в котором порассуждайте, почему поэзия обращается к открытиям, которые происходят в душе? Как связаны форма и смыслы стихотворения? Знаете ли Вы еще стихотворения, в которых центральным становится мотив открытия высших смыслов? Придумайте заглавие для своего эссе.

Количество баллов – 30.

Человек стремится в простоту,
как небесный камень — в пустоту,
медленно сгорает

и за предпоследнюю версту
нехотя взирает.

Но во глубине его очей
будто бы — во глубине ночей
что-то назревает.

Время изменяет его внешность.
Время умиряет его нежность,
словно пламя спички на мосту,
гасит красоту.

Человек стремится в простоту
через высоту.

Главные его учителя —
Небо и Земля.

ОМ №00000529186

